

Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998; Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 9—55, 130—180; Сенявский А.С. Урбанизация России в веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Он же. Индустриальная модернизация, урбанизация и демографические процессы в России в XX веке: соотношение и взаимосвязи // Индустриальное наследие... С. 398—406; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века... ; Он же. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3—18; Он же. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.; СПб., 2004; Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. Челябинск, 2005; Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. Вып. 5—6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. №4. С. 3—27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. №12. С. 3—21; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

12. Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 2. С. 41—56; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997; Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV—XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М., 1991; Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25—37; Окунова Л.С. На путях модернизации: Опыт Бразилии для России. М., 1992; Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997; Старостин Б. Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1989.

Рыбаков С.В.

(Екатеринбург)

Российская цивилизация в системе исторических знаний

В настоящее время российская историография находится в состоянии методологической аморфности и неопределённости. Это отражает ситуацию, при которой среди одной части историков продолжают концептуальные поиски, а среди другой преобладает методологический индифферентизм или нежелание «встраивать» эмпирический материал в какую-либо определённую концептуальную логику. Узкая специализация, характеризующая нынешнюю историческую науку, далеко не всегда побуждает исследователей обращаться к методологической проблематике. Как отмечает

профессор Московского государственного педагогического университета Н.А. Проскурякова, «лишь немногие историки предпринимают попытки широких теоретических обобщений» (1).

Усилиями этих «немногих историков» ведётся поиск средств, способствующих преодолению методологического кризиса, в котором российская историческая наука оказалась на рубеже 80-х – 90-х годов XX века. Этот кризис был именно методологическим, его нельзя отождествлять с провалом или крахом исторической науки, которая в советское время не стояла на месте и, несмотря на доктринальные препятствия, расширяла исследовательский диапазон и обеспечивала прирост исторических знаний. Суждения о «кризисе самой исторической науки» (2) не соответствуют действительному положению дел, отражая лишь тот вполне объяснимый психологический дискомфорт, который был пережит частью научного сообщества после исчезновения опоры на моноидеологию, на одну-единственную методологическую концепцию.

То, что названо «методологическим кризисом», для заинтересованных историков-профессионалов означало отказ от шаблонов в подходах к исследованиям, от «обслуживания» догматических схем, весьма слабо связанных с реальной практикой. Обратной стороной этого так называемого «кризиса» стало получение исследователями возможности свободно и творчески самоопределиться в методологических предпочтениях. Наименее зависимые от инерции и статичных стереотипов такой возможностью постарались воспользоваться, стали воссоздавать или конструировать различные модели мировой и отечественной истории. Это привело к расширению исследовательского пространства, формированию новой проблематизации истории, значительному повышению в исторической науке роли междисциплинарного синтеза.

Освобождение исторической науки от жёстких универсальных схем открыло путь к полнокровному изучению конкретных исторических феноменов с их специфическим своеобразием. Одним из таких феноменов является российская цивилизация. По сути дела, именно она является основным объектом школьных и вузовских курсов отечественной истории – независимо от того, насколько отчётливо этот факт осознаётся отдельными преподавателями, читающими эти курсы школьникам и студентам. В условиях относительной свободы выбора методологических и методических средств каждый из преподавателей может акцентировать внимание на той или иной тематике – государственно-политической, социально-экономической, либо культурно-психологической, может по-разному выстраивать соотношение между позитивными и негативными оценками локальных событий отечественной истории или её общего хода. При этом едва ли кто-нибудь из практикующих преподавателей, выходя к слушателям, рискнёт заявить о том, что

Россия лишена каких-либо признаков культурно-исторического и цивилизационного своеобразия.

Тезис однолинейно-догматического обществоведения о наличии неких жёстко заданных, «железобетонных» социологических закономерностей, абсолютно одинаковых для всех стран и народов, в нынешних общественных условиях выглядит безнадежно схоластичным и бессодержательным. Сегодня исследователи-теоретики находят разное содержательно-смысловое объяснение исторического процесса, однако никто из них не может игнорировать его цивилизационную составляющую. Даже те исследователи, которые рассматривают историческое движение с позиций линейного прогресса, сегодня вынуждены призывать к учёту «исторических и социокультурных особенностей российского общества» (3).

Очевидно, что дальнейшее развитие исторической науки будет связано с углублением знаний о разных цивилизациях, о путях, закономерностях, специфике их генезиса и эволюции. Для специалистов по истории России такое углубление будет относиться, разумеется, к российской цивилизации. По большому счёту, необходимость изучения глубинных основ российской цивилизации никогда и не сходила с повестки дня исторической науки. Ещё в начале XX века выдающийся русский учёный Д.И. Менделеев формулировал эту необходимость как задачу «познания России» (4).

Собственно говоря, эта задача задолго до Менделеева определяла творчество многих русских мыслителей, начиная с митрополита Илариона и летописца Нестора. Она же направляла деятельность ведущих российских историков и философов XVIII-XIX веков – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, С.М. Соловьёва, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и других.

В 20-е – 30-е годы XX века необходимость «познания России» была поставлена под большое сомнение так называемой «школой историков-марксистов» во главе с М.Н. Покровским, который отрицал автономную парадигму русской истории и настойчиво подчёркивал, что «социально-политическое развитие России шло таким же путём, как и развитие стран Западной Европы» (5). Покровский не признавал многообразия форм исторического бытия и национально-культурных особенностей разных народов, культур, цивилизаций. С этих позиций перечёркивался весь исторический багаж русской государственности и культуры, а период до 1917 г. обозначался как некая «предыстория», не имевшая полноценного содержания. В 1929 г. Всесоюзная конференция историков-марксистов приняла постановление, вводившее запрет на употребление словосочетания «русская история». Это произошло после того, как Покровский заявил: «Название “русская история” насыщено великодержавным шовинизмом и не может быть принято марксистской историографией. ... Термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трёхцветным флагом» (6).

Теоретические «изыски» Покровского и его последователей имели ощутимые практические последствия: было отменено преподавание истории в школах и университетах.

В 1934 г. «школа Покровского» была официально осуждена, после чего было восстановлено изучение истории средневековой Руси и императорской России. Перед советскими учёными-историками открывались возможности вести исследования по широкому кругу тематики. Возобновился выход многочисленных научных трудов, в которых рассматривались различные стороны государственной и общественной жизни «старой» России. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время наблюдался всплеск интереса к проблемам, связанным с культурно-историческим своеобразием России. Этот всплеск был обусловлен тем, что война вышла за рамки конфликта сугубо политических интересов, приобретя характер масштабного столкновения между разными цивилизациями.

В 1940-е – 80-е годы среди историков, специализировавшихся на досоветском периоде русской истории, выделились такие научные величины, как И.У. Будовниц, С.Б. Веселовский, М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачёв, В.В. Мавродин, М.Д. Приселков, А.А. Зимин, В.В. Каргалов, М.Л. Алпатов, А.Г. Кузьмин, И.Я. Фроянов, В.Л. Янин, Р.Г. Скрынников и другие. Их вклад в накопление исторических знаний несомненен. В то же время на их работу не могло не влиять давление моноидеологии. Под этим давлением в исторических сочинениях советского времени основной упор делался на социально-экономические, «базисные» факторы исторического развития. Духовно-культурная, «надстроечная» сфера исторического бытия отходила на задний план. Видимым недостатком большинства выходивших сочинений являлась стереотипная заданность теоретических выводов.

Среди советских учёных были те, кто, отдавая дежурную дань официальной риторике, проводил в своих исследованиях мысли и тезисы, не совместимые с марксизмом в его «классическом» варианте, стремясь вскрыть цивилизационное своеобразие исторической России. Немалых результатов в реализации такого стремления добились В.В. Мавродин, Д.С. Лихачёв, А.Г. Кузьмин, В.Л. Янин. При этом для советских историков декларирование приверженности к цивилизационной теории или её открытая защита были невозможны на протяжении всего периода господства моноидеологии.

Во второй половине 1980-х и начале 90-х годов историки-профессионалы, как и многие любители истории, получили свободный доступ к книгам теоретиков цивилизационной интерпретации истории – Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, к публикациям «евразийцев» и Л.Н. Гумилёва. Цивилизационный подход к истории стал быстро завоевывать популярность, проявляясь как в «чисто» научных работах, так и в пуб-

ликациях с метафизическим, трансцендентным уклоном. Постсоветские философы и историки на основе освоения теоретических разработок Данилевского, Тойнби, Шпенглера стали относительно свободно ориентироваться в классификации мировых цивилизаций, в проблематике, связанной со структурой и механизмами развития цивилизаций, определили содержание и основные параметры понятия «цивилизация», попытались соотнести цивилизационный подход с другими концептуальными парадигмами. Все эти тенденции стали утверждаться и в преподавательской практике. Понятие «цивилизация» без особых проблем вошло в учебные планы и программы высшего и среднего образования.

О том, что цивилизационный подход занял ведущие позиции в отечественной исторической науке, речь не идёт. Это, однако, не отменяет того факта, что в большинстве даже сугубо эмпирических исследований с той или иной отчётливостью «просвечивают» черты социокультурного своеобразия России. Тематика, относящаяся к такому своеобразию, вызывает различные мнения, нередко перерастающие в острую полемику.

Однако эта полемика чаще всего не выходит за границы чисто теоретической сферы. Когда речь заходит о первичных, базовых условиях исторического существования России, относящихся к действию природно-климатических, географических факторов, становится понятным: эти условия таковы, каких нет нигде в мире. Сама природа распорядилась так, что Россия не может с буквальной точностью копировать стандарты, принятые в других странах, в абсолютном большинстве находящихся в гораздо более благоприятных климатических условиях. После выхода в свет основательных и глубоких по содержанию работ историка Л.В. Милова и экономиста А.П. Паршева (7) этот тезис крайне сложно опровергнуть.

Исследования Милова и Паршева, без сомнения, заслуживают быть взятыми на вооружение историками-преподавателями, озабоченными совершенствованием читаемых ими курсов по отечественной истории. Без должного понимания роли природно-климатических факторов в истории такое совершенствование едва ли возможно. Существуют вполне реальные механизмы воздействия природной среды на жизнь производителей, на хозяйственный и культурно-бытовой уклад, даже на язык целых народов.

Цивилизационный подход, разумеется, не может быть ограничен вопросами, связанными с географической сферой. Объективно говоря, круг его предметности полностью ещё не определён. Во многом это обусловлено тем, что задача такого определения не решается только с помощью формально-теоретического инструментария. Углубление в цивилизационную проблематику неизбежно выводит на категории, с трудом поддающиеся строгим, рациональным дефинициям – «менталитет», «архетип», «духовный строй», «этическая традиция» и т.п. Рационализм, преобладающий в исследовательской методике, чаще всего подразумевает расчленение социально-

исторической реальности на некие автономные сферы – социальную, технологическую, культурную, психологическую.

В реальной исторической практике никакого «разведения» человеческого бытия на независимые одна от другой сферы, конечно, не происходит. Все они служат полем человеческой деятельности, находятся под воздействием идей и представлений, коренящихся в общественном сознании, являющемся особым историческим феноменом, отражающим многие пласты исторического развития разных стран и народов. С этих позиций любая сторона общественной жизни принимает на себя отпечаток определённой цивилизации как исторической системы, логика функционирования которой определяется, помимо прочего, культурными и ментальными инвариантами, образами сознания и поведения, исторической памятью. Все эти категории находятся на периферии внимания того сегмента науки, который находится в «плёну» узкорационалистических стандартов.

Плодотворная реализация в исторических исследованиях цивилизационной парадигмы с безусловностью предполагает значительное повышение внимания к так называемой «надстроечной» сфере, к общественному сознанию, к его характеристикам и формам. Так, очевидно, что ни одна цивилизация не может быть понята без привлечения религиозного фактора, особенно – без изучения мировых религий, в рамках которых формировались сверхлокальные морально-этические ценности. Универсальный характер религиозных заповедей был важнейшим условием преодоления замкнутости и косности первичных коллективов. Так, на заре русской истории после принятия князем Владимиром православия, внедрённого в пёстрый конгломерат восточнославянских и финно-угорских родов и племён, и стал формироваться феномен русской (российской) цивилизации.

Именно православие в течение веков являлось для Руси источником ценностных ориентаций, влиявших на воспроизводство культуры и социальных отношений, способствовавших становлению русского общества как саморазвивающейся системы, как объединения людей, имеющего устойчивые черты на всех уровнях – в государственной организации, в экономике, в культуре. Консолидация различных племён в рамках русской цивилизации не означала тотальной унификации, не отрицала принципа бытийного многообразия, не нарушала условий для сохранения субкультур и субэтносов.

Российская цивилизация изначально была открытой системой, в ней отсутствовал вирус искусственной враждебности к иным цивилизациям. Историческая специфика русской цивилизации состояла в том, что, занимая на геополитической арене место между Европой и Азией, она не ставила себя в глухую оппозицию разным традициям – византийской, золотоордынской, западноевропейской, кавказской, среднеазиатской, прибалтийской, языческой, мусульманской, буддийской и другим. Это всегда придавало российской цивилизации оттенок полифоничности, диалогической широты, подни-

мало значение принципа соборности, понимаемого как «единство в многообразии». Принадлежностью к такой цивилизации определяется сам стиль мышления её типичных представителей. Он характеризуется образностью, онтологическим реализмом, жизненностью, неприятием формализма и плоского схематизма, ориентацией на соборные ценности.

В части историографии, находящейся под влиянием линейно-рационалистических схем, открытость российской цивилизации отождествляется с некой неполноценностью, «недоцивилизованностью», низкой структурной организованностью. Некоторые историки подводят к мысли, что в России означенные недостатки цивилизационного развития всегда компенсировались государством, выступающим в роли «заменителя» полноценной цивилизации (8).

Подобный взгляд связан с искажением образа государственности в системе ценностей российской цивилизации. Государство является необходимой частью цивилизационного организма, выполняет скрепляющую функцию, придаёт определённую форму культурно-этническому «материалу». Попытки противопоставить русскую цивилизацию русской же государственности объясняются непониманием истинной мировоззренческой сути понятия «соборность». Эта суть продиктована психологией «общего дела», которая в русской традиции и проявлялась в первую очередь в отношении людей к государству как универсальному регулятору и всеобщему арбитру. Подобное отношение прослеживается на всех этапах развития русской (российской) цивилизации – с момента, когда новгородцы, кривичи, меря и чудь призвали на княжение Рюрика, вплоть до нашего времени. Отношение русских к своему государству как к «общему делу» проявлялось во времена сопротивления шведам, тевтонам, мамаевой орде, польской шляхте, Наполеону, Гитлеру.

Памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади является одним из значимых символов российской цивилизации: 4 ноября 1612 года русское ополчение под водительством этих народных вождей освободило Кремль от интервентов, тем самым наглядно подтвердив, что государство является предметом соборной заботы, а не собственностью номенклатурно-олигархической знати. Отмечаемый теперь 4 ноября государственный праздник имеет определённую цивилизационную окраску.

Задача «познания России» может решаться только с помощью трезвого, объективного, вдумчивого анализа, никак не связанного с пафосной риторикой, с псевдопатриотической апологетикой. Однако решению задачи не способствует и искусственный негативизм. В исследовательской практике он, тем не менее, оказывается нередким явлением. Некоторые историки, подходя к России с мерками абстрактного прогресса, не связанного с реальным многообразием мира, заканчивают свои рассуждения выводами, больше

напоминающими идеологические ярлыки. Российской цивилизации приписываются то некий «промежуточный характер», то «противоположные установки», служащие «постоянным источником нестабильности». Российская цивилизация объявляется то «субцивилизацией», то «конгломератом цивилизаций», то «неоднородным сегментарным, расколотым обществом» (9). Изучая вполне живой исторический феномен, делать вывод, по тональности напоминающий приговор, – дело явно неблагоприятное. История – не смена статических картинок, а динамичный процесс, в котором скрыты самые различные потенции и варианты развития. Как раскроются эти потенции, какие варианты реализуются на практике – во многом зависит от конкретных людей, от их знаний, навыков, воли. Пока российская цивилизация жива, она имеет будущее. Для того чтобы жить в России, нужно иметь представление об этом будущем. А для того, чтобы иметь такое представление, нужно знать прошлое России, нужно знать цивилизационную логику её исторического развития.

-
1. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С.154.
 2. Там же. С.153.
 3. Красин Ю.А. Три этапа российской реформации // От «перестройки» до «возрождения»: социально-политические реформы в России на рубеже XXI века. Екатеринбург, 2005. С.17.
 4. Менделеев Д.И. К познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. В 2-х ч. М., 1994. Ч.II. С.22-23.
 5. Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С.40.
 6. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.-Л., 1933. С.3.
 7. Милов Л.П. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2001.
 8. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; Ерасов Б.С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
 9. Яковенко И.Г. Российская история и проблемы цивилизационного анализа // История России. Теоретические проблемы. Вып.1. М., 2002. С.56; Ахиезер А.С. Динамика цивилизационного анализа российского общества // Там же. С.90-97; Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной исторической ситуации в России // Там же. С.23-37.